

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	7
<i>Глава 1</i>	11
<i>Глава 2</i>	18
<i>Глава 3</i>	25
<i>Глава 4</i>	31
<i>Глава 5</i>	37
<i>Глава 6</i>	42
<i>Глава 7</i>	53
<i>Глава 8</i>	62
<i>Глава 9</i>	75
<i>Глава 10</i>	83
<i>Глава 11</i>	92
<i>Глава 12</i>	107
<i>Глава 13</i>	123
<i>Глава 14</i>	142
<i>Глава 15</i>	160
<i>Глава 16</i>	170
<i>Глава 17</i>	182
<i>Глава 18</i>	189
<i>Глава 19</i>	197
<i>Глава 20</i>	209
<i>Глава 21</i>	217
<i>Глава 22</i>	226

<i>Глава 23</i>	238
<i>Глава 24</i>	247
<i>Интерлюдия</i>	
О том, как съезжает крыша	252
<i>Глава 25</i>	265
<i>Глава 26</i>	271
<i>Глава 27</i>	280
<i>Глава 28</i>	289
<i>Глава 29</i>	300
<i>Глава 30</i>	311
<i>Глава 31</i>	319
<i>Глава 32</i>	329
<i>Глава 33</i>	340

Авторы искренне благодарят участников форума «В Вихре Времени», кто помогал советами и замечаниями, и без чьей помощи книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно:

*Светлану, Екатерину и Илью Полозковых,
Элеонору и Грету Черепнёвых,
Владимира Геллера,
Игоря Мармонтова,
Виктора Дурова,
Виталия Сергеева,
Александра Колесникова,
Владимира Черменского.*

Пролог

За что боролись, на то и напоролись! Стоило рвать жилы, заканчивать Николаевскую академию, получать «чистые рельсы» на плечи, чтобы после всего этого с утра до вечера возиться с бумажками! Да в гробу видел я такую службу! В черном гробу и в белых тапочках!.. Это — не служба, а какое-то бумажное болото, где правят чернильные жабы! Чернющая трясина, засасывающая в глубь душной канцелярщины не хуже черной дыры, простите великодушно за неудачный каламбур! И конца, и края ей не видно, сплошная тьма и мрак! Чернота, чернота, беспросветная чернота, без малейшего даже намека на какой-то лучик света в этом царстве тьмы!

Я вам как-то говорил, что жизнь похожа на тельняшку? Черное, блин, белое!.. Черная полоса... Белая полоса... Черная полоса... Белая полоса... Черная полоса... Белая полоса... Что это? Зебра? Тельняшка? Не-а... Это моя жизнь за последние несколько лет. А если и похожа она на часть матросского нижнего белья, то только на первый взгляд. Пока не посчитаешь количество этих самых полосок и не поймешь, что имеешь удовольствие лицеизреть как минимум батальон матросов верхом на зе-

брах!.. Плюс ко всему парадокс времени очен-но наглядно во всей красе проявляется... И получают-ся в результате широкие двадцатичасовые чер-ные полосы, слегка разбавленные сорокавосемича-совыми белыми!

Ну вот какой-такой умник придумал тезис о том, что время течет прямолинейно и равномерно? Он, фантазер хренов, наверное, на службу ни-когда не ходил. Иначе сразу бы заметил, что суббота и воскресенье пролетают со скоростью курьерского поезда, а все остальные дни — с понедельника по пятницу включительно — ползут подобно грустной черепахе.

Для меня очередная черная полоса еще не насту-пила, но уже в полный рост показалась на горизон-те. Потому как сейчас на дворе у нас воскресенье, хоть полдень давно уже позади. Ну, а пока некий северный заполярный зверь не постучался в дверь, можно еще немного посибаритствовать, удобно ок-купировав в беседке плетеное кресло, и, лениво по-пыхивая трубкой, вспоминать события минувших пяти лет. Приятные и не очень...

Жаль, что некая ирландская пивоваренная ком-пания еще не додумалась до издания универсаль-ного справочника, обозвав его при этом фамили-ей своего основателя «Гиннесс». Я в этой книжке был бы на первом месте в разделе «Перемещения по воздуху без вспомогательного оборудования на максимальную дальность». В том хорошо памят-ном железнодорожном круизе «Стрый — Боле-хов», стартовав помимо своей воли, из бронелюка «Неуловимого мстителя» в направлении «куда-то наружу», сумел упорхнуть метров на десять. Но, особо не имея сил для борьбы с силой притяжения,

совершил не очень мягкую посадку на очень жесткий кусок румынской территории. И если контузия вкупе с пятью осколочными и имела некоторое отношение к ведению боевых действий, то переломы трех ребер и одной лучевой кости иначе как общей неуклюжестью не объясняются. А может быть, на самом деле причина в том, что человеческий организм все-таки рожден ползать и летать самостоятельно не может, по определению.

На этот раз режим «зажило, как на собаке» организм включать не собирался, или же я действительно исчерпал запас своего везунчества, по словам академика. Поэтому и проваландался в Институте аж до глубокой осени семнадцатого года. Сначала два месяца на госпитальной койке изнывал в гипсе. Кто ломал ребра, тот меня поймет — ни повернуться, ни почесаться, ни вздохнуть, ни пер... В общем — тяжко. Потом, когда как тот цыпленок из скорлупы, из гипса я вылуцился, переехал домой на реабилитацию, тут же попав в добрые, ласковые, беспощадные женушкины руки. Наверное, моей рыженькой лисичке-медсестричке надоело и то, что я пропадаю неделями и месяцами вдали от родного очага, и то, что уже второй раз возвращаюсь в виде условно живого полуфабриката. Но, что самое обидное, и Михаил Николаевич, и Мартьяныч, я не говорю уж о Павлове, были на ее стороне. В принципе, от этих троих слинять труда особого не составляло, даже несмотря на секретный приказ не выпускать тогда еще подполковника Гурова с территории Института без личного письменного разрешения Ивана Петровича. Но вот убежать от Дашеньки с дочушкой не хотелось абсолютно.

* * *

На фронте всюду велась «странная война», по-сему Первый отдельный Нарочанский Ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны батальон специального назначения, начиная с его командира и заканчивая самым последним новобранцем, занимался боевой подготовкой. Причем батальон отдельно от командира, и наоборот. На стрельбище, на тактическом поле, в классах всюду рулил заменявший меня Анатолий Дольский. А я короткими урывками, когда Марья Денисовна изволили почивать, а Даша занималась своими неотложными женскими делами, обкладывался учебниками и пытался впихнуть в не так давно контуженную голову тактику, стратегию, военное администрирование, полевую и крепостную фортификацию, геодезию с топографией и прочие ну очень необходимые для успешной учебы в Николаевской академии дисциплины.

За всеми этими делами чуть не пропустил наступление звездного часа... Нет, не так! Звездного Часа академика Павлова. То, что теперь в Институте постоянно толкутся какие-то непонятные существа, маскирующиеся под фабрикантов, чиновников и прочую шуштуру, стало уже делом привычным. Но раньше их не пускали дальше гостевой зоны.

А тут во время очередного семейного моциона вдруг наблюдаю не очень большое непонятное бандформирование в составе пяти-шести активно орущих и машущих руками гражданских тушек, сопровождаемое доктором Голубевым. Причем выходящее из экспериментального медблока! Даша, увидев мое параноидально-подозрительное выражение лица, сразу поняла, что добром это, ско-

рее всего, не закончится, и торопливо объяснила, что к Ивану Петровичу прибыла делегация Международного комитета Красного Креста, направленная самим (!) Гюставом Адором. Причем имя и фамилия были произнесены с таким благоговейным придыханием, что у меня назрел вполне закономерный вопрос: а что это за хрен и с чем его едят? На что в течение последующих пяти минут мне объясняли всю глубину моего падения в бездны невежества, а также то, что вышеупомянутый Гюстав — не полусорняковое растение с корнем, содержащим едкое эфирное масло, а дважды Президент (с большой буквы), рулящий сразу и Швейцарской республикой, и Международным Комитетом Красного Креста.

Глава 1

На следующий день Павлов собрал нас с Федором Артуровичем на очередную «встречу без галстуков», где и выяснились остальные детали. Но, блин, какие!..

Академик нашел способ борьбы с начинающейся пандемией того самого гриппа-испанки, которую пока что называли «аннамитской пневмонией»! Оказывается, через месяц-другой в Европу придет около ста тысяч китайских землекопов для англо-французской фортификации, ибо нашим заклятым союзникам, истово несущим «бремя белых» в светлое (только для них) будущее, невместно самим копать окопы. И привезут эти китайцы тот самый вирус в больших количествах. А чуть попозже во Францию для получения боевого опыта приплывут четыре америкосовские дивизии, уже

хватанувшие от портовых китайских же грузчиков-кули этой гадости.

В той, нашей истории количество заболевших считалось военной тайной и скрывалось как союзным командованием, так и Германией. Поэтому эпидемия и получила название в честь Испанского королевства, нейтральной страны, которая первой не выдержала и запросила помощи у всего мира.

Федор Артурович, отрешенно глядя в одну точку и сосредоточенно помолчав пару минут, озвучил статистику из будущего послезнания, от которой волосы встали дыбом! Пятьсот пятьдесят миллионов заболевших!.. Треть от всего населения Земли!.. От сорока до ста миллионов летальных исходов!.. В голове искрой промелькнула мысль о том, что мудрая Природа, поглядев на мясобойню, длящуюся с четырнадцатого года, решила помочь спятившему человечеству и добавила еще один зловещий штришок в наше кроваво-сумасшедшее веселье...

Но академик успел!! И лабораторные опыты, и «подпольное» лечение отдельных инфицированных во Франции с помощью того же Красного Креста показали, что его препараты работают! И коктейль из аспирина с витамином С! И пенициллин, убивающий напрочь всякие пневмо-, стафило- и прочие кокки, хламидии и остальную бактериальную гадость! И интерферон, «заземляющий» вирус быстрее, чем он разрушает ткани легких, и после чего человек уже не захлебывается своей кровью!..

Все это было запатентовано, но жизни людей и некоторые телодвижения в политической плоскости оказались важнее денег. Поэтому та компашка, которую вчера видел, заберет с собой и увезет сто

пятьдесят тысяч доз, чтобы начать войну с заразой и спасти людей независимо от национальности и местоположения относительно линии фронта. Тот же самый Гюстав Адор на пару с нашим академиком на днях обратится к правительствам воюющих стран официально и к их же населению через прессу с предложением перемирия до окончания пандемии. А чтобы совсем уж мало никому из власть предержащих не показалось, он, академик Павлов, Нобелевский лауреат, член Французской академии наук, Ирландской королевской академии и протчая, и протчая, и протчая, безвозмездно передаст технологию получения препаратов при обязательнейшем условии бесплатного лечения ими всех заболевших... Безвозмездно!.. То есть даром!..

Но в своих выступлениях и Иван Петрович, и Гюстав Не Знаю Отчества будут неукоснительно настаивать на прекращении военных действий. Этаким завуалированный шантаж — типа, если не прекратите стрелять друг в друга, лечить не будем. Потому как не стоит мешать тому, кто хочет побыстрее и помучительней дойти до известного финала с грустной музыкой и уже упомянутыми белыми тапочками, и еще потому, что каждая сторона попытается захватить лекарство у противника.

Неожиданно это предложение вызвало горячую поддержку служителей Господних независимо от конфессий, и все, начиная с папы Римского, нашего православного Святейшего Синода и заканчивая полным поголовьем протестантских, англиканских, лютеранских и прочих священников, начали дружную агитацию за «мир, дружбу, жвачку» среди своей паствы. К чему мгновенно присоединились аятоллы и муфтии всех направлений учения

пророка Мухаммада, а также самые главные раввины и Далай-лама.

У нас с Келлером тогда же одновременно возник вопрос, типа: а не кинут ли господа буржуи простодушного господина академика? Но, как оказалось, Иван Петрович «подстелил соломки» и на этот вариант. Все лечение будет проходить только через Красный Крест, о чем уже есть договоренность. Пока будет идти всплеск инфекции, препараты отпускаются Институтом бесплатно, но достаточно появления хотя бы одного прецедента коммерческого использования препаратов, и поставок в страну, где это случилось, больше не будет! Пусть покупают лицензии и сами их производят, а после этого сами же и лечат своих граждан. Когда же я, не подумав как следует, задал вопрос о возможности нелегального копирования чудохимикатов, услышал в ответ небольшую, минут этак на пять, мини-лекцию, почти полностью состоявшую из химических и медицинских абракадаброподобных терминов. И еще на первой минуте после словосочетаний «концентрирование пропусканием через кассету фильтров», «центрифугирование биомассы» и «окислительный сульфитолиз» в очередной раз уяснил, что, во-первых, академик и здесь подстраховался, а во-вторых, химия — это точно не мое.

* * *

И, как показали следующие две недели, эта акция удалась. Наверное, с подачи швейцарца газеты всех европейских стран захлеб вопили о чудодейственном лекарстве, о многих сотнях выздоравливающих. И немудрено, ибо до этого способы лечения

были, мягко скажем, достаточно оригинальными. Либо прописывались даже не лошадиные, а слоновьи дозы аспирина без оглядки на внутренние кровотечения, либо вводилась «вакцина», состоявшая из смеси крови и слюны уже переболевших, отчего по телу шли огромные красные пятна, и на этом лечебный процесс заканчивался.

Американцы, к радостной истерике своих самогонщиков, не нашли ничего лучшего, чем официально объявить, что зараза гибнет от больших доз виски! Британский же нелегально-военный способ самолечения меня вообще шокировал! Находившиеся на фронте солдаты и офицеры (Европейцы, блин! Куда там русскому Ваньке до такого додуматься!) любыми путями доставали баллоны с хлором и делали по очереди несколько вдохов. Доза смертельной не была, но выжигала абсолютно все слизистые оболочки дыхательных путей. Как им думалось — вместе с бактериями. Угу-м, открывая для миллионов новых парадные двери раневых поверхностей.

Власть имущие всерьез восприняли предупреждение Павлова о недопустимости попадания препаратов как на легальный, так и на черный рынок. Во всяком случае вездесущие газетчики, даже негласно простимулированные «неизвестными лицами», не смогли ничего раскопать. Да и в мировом бизнес-центре, именуемом САСШ, с несколькими попытками перехватить фургоны Красного Креста справились в лучших традициях Дикого Запада. Если уж офицер полиции Сан-Франциско смог спокойно застрелить трех идиотов, отказавшихся надеть марлевые маски, и после этого был не только оправдан, но и стал почти национальным героем, то попытка

перехватить грузовик, доставлявший лекарства в один из госпиталей, была сразу пресечена очень интенсивным огнем на поражение. А самых хитрых перехватчиков, что кинулись в бега после первых же выстрелов, с большим энтузиазмом и радостными ковбойскими воплями «Йих-ха» линчевали местные минитмены-фермеры с ближайших ранчо, устроившие внеочередную загонную охоту.

Впечатление от происходящего немного испортило лишь поведение правительственных кругов наших союзников. На прием к великому князю Михаилу Александровичу прорвалась сладкая парочка — французский посол местье Палеолог и британский сэр Брюс Локкарт. Они постарались донести до августейших ушей некоторое недоумение своих правительств. Мол, если мы с вами союзники, а Германия — общий враг, то зачем отправлять дефицитные чудо-препараты немцам? Отдайте их нам, мы найдем им гораздо лучшее применение...

На пятнадцатиминутные развешенные в воздухе словесные кружева в лучшем стиле Талейрана, как-то ляпнувшего, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли, и величавые, полные британского снобизма намеки последовало регентское «Ни хрена!», в том смысле, что, мол, «Все пред Богом и микробами равны». После чего послы были посланы. Вежливо и исключительно с целью незамедлительно довести до своих шефов официальную точку зрения Российской империи по данному вопросу.

А чуть позже мне, как офицеру по особым поручениям и командиру отдельного Нарочанского батальона, тоже было предложено поучаствовать в деле спасения человечества от пандемии. То есть

организовать доставку «посылки» через линию фронта в цепкие лапки германских докторишек. Потому как появились достаточно серьезно обоснованные Воронцовым и Потаповым сомнения, что после отправки официальными каналами до рейха за номером два в лучшем случае доберется только упаковка.

На следующий же день на передовую убыла наша радиомашинка, с помощью которой фельдфебель Яша Хаймин со своими подчиненными сутки выстукивали в эфир загадочный сигнал «МУСТИ», а после получения квитанции о приеме и ответной шифрограммы в путь-дорогу засобиралась другая группа. Десяток «призраков», возглавляемых Сергеем Дмитричем Оладьиным, тащили груз, упакованный для конспирации в патронные ящики, и охраняли «говорящее письмо» в виде Ивана Пинягина, того самого сына купца первой гильдии и студента-медика, когда-то напросившегося в Томске ко мне в батальон санитаром-вольнопером.

Наш батальонный доктор Паша был очень доволен толковым помощником, а земляки-томичи во главе с Гордеем взяли над ним шефство и стали подтягивать по «смежным» дисциплинам так, как они это понимали. И сейчас сей юноша и бегал, как молодой и озабоченный понятно чем в конце сентября лосяра, и в плечах маленько раздался, и на стрельбище с открытого прицела стабильно выбивал сорок пять очков с пяти выстрелов на дальней дистанции. Поэтому и пошел с группой, неся в основном в голове некоторые особенности химических реакций, перечисленных ему академиком Павловым с тем, чтобы смог внятно объяснить всю

эту белиберду какому-то оберстартцу из Берлина, который составит компанию фон Штайнбергу на этом randevу. Помимо всего прочего Ванечке сия прогулка служила ритуалом посвящения в нарочанцы, только вместо того, чтобы снять 98-й маузер или парабеллум с тушки лично убиенного ганса, ему предстояло доставить груз в целости и сохранности, да тихонько пошептаться с немецким доктором про особенности выделки препаратов. Прото, что в случае чрезвычайных обстоятельств живым попасть в лапы к этим самым гансам он не имеет права, говорить ему не стали...

Глава 2

А вскоре после этого наступило Большое Водяное Перемирие. И в роли слона Хатхи выступил президент САСШ Вудро Вильсон, уже больше полугода носившийся со своими «Четырнадцатью пунктами», как курица с золотыми яйцами. То есть, как поведал потом в очень узком кругу великий князь Михаил Александрович, сначала немецкий генералитет заявил Вильгельму № 2, что линия фронта может быть прорвана в течение суток и надо срочно мириться хотя бы на время, после чего кайзер всея Германии со своими ближниками решили сделать финт ушами. Кабинет фон Гертлинга отправился в отставку, а новым канцлером стал принц Максимилиан Баденский.

В новое правительство вошли все, кого не жалко, то бишь партии парламентского большинства, и это сборище птичек-говорунов тут же обратилось к мистери президенту с предложением мирных переговоров на основе его программы. Но Ве-